

О литературном опыте Григория Потемкина

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин — один из наиболее ярких государственных деятелей России XVIII в. Среди его многочисленных талантов была и способность к литературному творчеству. Предмет настоящей статьи — единственное дошедшее до нас масштабное литературное сочинение Потемкина: написанный им в конце жизни «Канон Спасителю Господу Иисусу». Именно этот написанный молитвословным стихом канон позволяет говорить о Потемкине как о поэте. Религиозный философ Н.С. Арсеньев так характеризует это произведение: «Здесь не “бытовая” только, унаследованная религиозность, здесь крик души, жаждущей спасения, ищущей твердой опоры среди преходящести окружающей суеты и молящей о милосердии и прощении, здесь голос горячий и крепкой веры. Иисус Христос распятый и милосердный становится в центре его духовной веры». В конце XX в. в бумагах боевого соратника Потемкина Александра Васильевича Суворова был найден и впервые опубликован «Канон Спасителю Господу нашему Иисусу Христу», который публикаторы сочли оригинальным сочинением Суворова. Однако сравнение двух канонов, потемкинского и суворовского, не оставляет сомнений в том, что Суворов не сочинял собственного канона, а внес небольшие стилистические изменения (их около 170) в несомненно известный ему текст Потемкина. В приложении к настоящей статье канон Потемкина публикуется полностью по сохранившемуся в БАН изданию 1791 г.

His Highness Prince Grigorii Aleksandrovich Potemkin was one of the most colorful Russian statesmen of the eighteenth century. Among his many talents was his skill as a writer. The present essay concerns the one substantive literary work by Potemkin that has survived, his “Canon to Lord Jesus, the Savior,” composed at the end of his life. It is this work, written in liturgical verse, that allows one to speak of Potemkin as a poet. The religious philosopher N.S. Arsenëv characterizes the work in the following words: “It is more than an expression of mundane, traditional religiosity, but a cry of the soul thirsting for salvation, seeking a place of security in the transience of life’s vanities, praying for mercy and forgiveness, a voice that expresses a strong and ardent faith. Jesus Christ crucified, the merciful Lord, is the focus of his spiritual faith.” At the end of the twentieth century a work entitled “Canon to Our Savior, the Lord Jesus Christ” was found among the papers of Prince Potemkin’s comrade-in-arms, Count Aleksandr Vasilëvich Suvorov; believed to be an original composition by Suvorov, it was ultimately published under his name. A comparison of this work with that of Potemkin clearly reveals, however, that Suvorov did not compose the canon attributed to him, but simply made several stylistic changes (around 170 in all) in the text he clearly knew to be Potemkin’s. An appendix to the present essay reproduces Potemkin’s canon in full, based on a copy published in 1791 and currently housed in the Library of the Academy of Sciences in St. Petersburg.

Ключевые слова: Григорий Потемкин, дворянская гимназия Московского университета, молитвословный стих, канон, ирмос, тропарь, авторство, переложение, Александр Суворов, Николай Арсеньев.

Keyword: Grigorii Potemkin, Moscow University Gymnasium for the Nobility, liturgical verse, canon, hiermos, troparion, authorship, paraphrase, Aleksandr Suvorov, Nikolai Arsen'ev.

За все восемнадцатое столетие в России было четыре гения: Меншиков, Потемкин, Суворов и Безбородко.

М.М. Сперанский

Григорий Александрович Потемкин — одна из наиболее ярких и масштабных фигур в российской политике XVIII в.: выдающийся государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, основатель Херсона, Николаева, Екатеринослава, Одессы, Мариуполя, Симферополя, Севастополя и других городов, создатель Черноморского флота.

Будущий светлейший князь родился 13/24 сентября 1739 г. в селе Чижове Смоленской губернии в семье мелкопоместного дворянина отставного гарнизонного майора Александра Васильевича Потемкина; рано потерял отца. В большинстве биографий говорится, что после смерти отца (1746) мать перевезла его в Москву, в семью его дяди и крестного отца, отставного президента Камер-коллегии Григория Матвеевича Кисловского (в ряде источников Козловского), и что Потемкин вместе с двоюродным братом Сергеем Кисловским посещал учебное заведение Иоганна-Филиппа Литкена (или Литке) в Немецкой слободе. Некоторые биографы говорят также об обучении Потемкина в Смоленской семинарии. Так, племянник Потемкина Л.Н. Энгельгардт пишет:

«До двенадцати лет он воспитывался при своих родителях. За недостатком учебных заведений отец записал его в Смоленскую семинарию». С юности Григорий отличался честолюбием; многие современники запомнили его фразу о том, что он собирается стать «архиереем или министром» [15. С. 33].

26 апреля / 7 мая 1755 г. были открыты гимназии Московского университета для дворян и разночинцев, среди принятых в первую оказался и Григорий Потемкин. Поначалу его обучение ознаменовалось блестящими успехами. По воспоминаниям современников, он всегда отличался уникальной памятью: в юности за несколько дней мог запомнить чуть ли не наизусть целый фолиант — такой, как том из «Естественной истории» Бюффона; в зрелые годы, с отсутствующим видом выслушивая военные донесения, он впоследствии дословно цитировал их; особенно глубоки были его познания в богословии.

В 1756 г., в годовщину открытия университета, Потемкин был награжден медалью (о чем сообщается в Прибавлении к первому номеру университетской газеты «Московские ведомости»). Летом следующего года он оказался среди студентов и гимназистов, «которые наиболее прилежностью своей себя перед прочими оказали», за что были взяты директором университета И.И. Мелиссино для представления в Петербург («Московские ведомости» № 57 от 18 июля 1757 г.). Ученики были приняты в домах вельмож столицы и у иностранных посланников, причем Потемкин произвел на многих особенно хорошее впечатление своей находчивостью и остроумием, а также сведениями в богословии и «эллино-греческом» языке. 27 июля на куртаге в Петергофе куратор университета И.И. Шувалов представил воспитанников императрице Елизавете Петровне, которая «жаловала их к руке, а некоторые удостоены были ее беседы» («Московские ведомости» № 63 от 8 августа 1757 г.).

Вернувшись из Петербурга, Потемкин стал интересоваться занятиями всё меньше. В апреле 1759 г. на торжественном акте университета впервые были произведены в студенты выпускники университетских гимназий, однако Потемкина в их числе не было, а в начале 1760 г. он оказался в списке отчисленных из университета «за леность и нехождение в классы» («Московские ведомости» № 34 за 1760 г.; в этом списке есть и будущий выдающийся просветитель Н.И. Новиков). Биограф вспоминает следующий забавный случай: во время посещения университета в годы своей славы и могущества Потемкин обратился к профессору А.А. Барсову с вопросом: «Помните ли, как вы выключили меня из университета?» — «Ваша светлость тогда сего заслуживала», — отвечал бывший наставник его [2].

Одной из причин небрежности к университетским занятиям было увлечение Потемкина религией. Н.И. Надеждин пишет:

«Воображение юноши стеснилось опять на один пункт — на архиерейство. От бывших Курячьих ворот¹, у которых находился тогда университет, пять шагов только до Заиконоспасского монастыря, где процветала знаменитая еще в то время Славяно-Греко-Латинская академия. Потемкин не заботился включить себя в число студентов академии: это наложило бы на него прежние обязанности, не давая никаких особенных прав. Но он старался приблизиться к учащим и начальствующим в академии монахам, найти их расположение и покровительство. В семинарии он не мог не приобрести некоторых богословских понятий и сведений, которые через университетское учение должны были получить особенно оригинальный цвет, незнакомый питомцам келий. Это придавало интерес юноше, который охотно клонил голову под клобук, готов был произнести вечные обеты. Духовенство находилось тогда в положении кризиса: оно имело нужду подкреплять себя людьми талантливыми и ловкими, с орлиною зоркостью и со змеиною мудростью. Таков был именно Потемкин, не угаданный университетскими париками. Ему отверзли отеческие объятия, и он бросился в них с жаром, как будто в самом деле увлекаемый истинным “призванием”. Он влюбился в монашеские беседы, получил страсть к богословским исследованиям и спорам; страсть, которая осталась с ним на всю жизнь, не истребленная ни шумом войны, ни рассеянием света. Бог весть, что вышло бы, если б Потемкин утвердился на этом поприще, к которому готовился издательства. Такой человек, как он, не остался бы в тени и под черною рясою. Но по главным чертам его характера, своенравию и самонадеянности, скорей ожидал его грозный жребий Арсения, чем блистательная участь Гавриила и Платона.²

К счастью Потемкина, его узнал и полюбил Амвросий Зертис-Каменский, в то время архиепископ Крутицкий; тот знаменитый Амвросий, который впоследствии, будучи архиепископом Московским, принял мученическую смерть от рук бунтующей черни. Просвещенный пастырь провидел, что молодой человек создан вовсе не для кельи, что ему там будет и тесно и душно. С благородным бескорыстием он указал ему другое, совершенно противоположное поприще — военную службу. Потемкин, который не мог долго держаться на одной идее, всегда рвался к новостям, жаждал перемен — и сам чувствовал уже охлаждение к сжатоному, однообразному пути монашеской жизни, теперь вблизи им рассмотренной. Служба гражданская, ведущая к министерству, требовала знаний и трудов, к которым не мог он привыкнуть в университете. Оставалось, конечно,

¹ Эти ворота на Красную площадь (впоследствии — Иверские) в других источниках называют Куретными или Курятными.

² Названные священнослужители — митрополиты Екатерининской эпохи. Арсений (Мацеевич) был лишен сана за противодействие секуляризации монастырских имуществ, умер в заточении; Гавриил (Петров) и Платон (Левшин) — наиболее авторитетные члены Синода. — Н.И. П.

одно военное поприще, где его прекрасно-мужественная физиономия, величавый рост, живые, быстрые способности и, наконец, самые недостатки характера, своенравие и самоуверенность, могли пойти в ход, возыметь самое счастливое употребление, произвести блистательный эффект. Но для этого надо было служить в гвардии, ехать в Петербург. Чтoб доехать до Петербурга, нужны были деньги. Амвросий дал Потемкину – пятьсот рублей!» [8].

Потемкин отправился на военную службу в Петербург, где сделал головокружительную карьеру, став со временем фаворитом (или даже морганатическим супругом) императрицы Екатерины Алексеевны и первым сановником России. Отметим, кстати, что и в зрелые годы он несколько раз был близок к тому, чтобы оставить свет, приняв монашеский постриг.

Среди разнообразных талантов Потемкина современники отмечали дар сочинительства; по словам Огаркова, в молодости князь писал стихи, сатиры и эпиграммы. К сожалению, из написанного Потемкиным осталось немного. Случайно сохранились лишь некоторые его экспромты наподобие следующего, сочиненного на званом обеде и обращенного к писателю Федору Григорьевичу Карину (брату соучеников Потемкина по университетской гимназии Николая и Александра Кариных):

Ты, Карин, –
Милый крин,
И лилеи
Мне милее!³

С юношеских лет Потемкин был дружен с Василием Петровичем Петровым, впоследствии известным поэтом. Петров учил Потемкина древнегреческому языку и вместе с ним переводил «Илиаду». Уже к их зрелым годам относится такой эпизод. Петров пригласил Потемкина осмотреть только что открытую типографию и, демонстрируя работу станков, набрал и сделал оттиск своего экспромта, посвященного Григорию Александровичу:

Ты воин, ты герой,
Ты любишь муз творенья,
А вот здесь и соперник твой –
Герой печатного изделия.

Потемкин в долгу не остался. Попросив Петрова показать, как делается набор, он тут же сочинил ответ, набрал его и с помощью товарища юности сделал оттиск:

Герой ли я? Не утверждаю.
Хвалиться не люблю собой,
Но что я друг всегдашний твой –
Вот это очень твердо знаю!

К Екатерине II обращена приписываемая Потемкину песенка о червяке, влюбленном в звезду: «Как скоро я тебя видал, то думал только о тебе. Глаза твои меня пленили, и не решился я тебе сказать, что сердце глубоко скрывало» [3]. Участвовал Потемкин и в эпистолярных опытах самой императрицы: правил слог в тексте ее оперы «Оле́г» и в других пьесах [9]. Он продолжал сочинять и во время своих южных походов. Так, во время кампании 1788 г. «в великолепной землянке своей, под громом пушек, среди движений ратных, Князь Тавриды находил время беседовать с музами, писал стихи, переводил Церковную историю аббата Флери» [2].

³ Этот и следующие экспромты Потемкина цитируются по работе [14].

Все эти литературные опыты вряд ли заслуживали бы упоминания, если бы не единственное дошедшее до нас масштабное литературное произведение Потемкина — написанный им в конце жизни «Канон Спасителю Господу Иисусу» [11]; именно этот написанный молитвословным стихом⁴ канон позволяет говорить о Потемкине как о поэте.

Жанр переложения церковных текстов возник в России в XVII в.: Симеон Полоцкий переписал силлабическими стихами «Канон на Рождество Христово», а позже Псалтирь (под названием «Псалтирь Рифмотворная»). Первое переложение, написанное от лица юного царевича Алексея Алексеевича, сына царя Алексея Михайловича, озаглавлено как «Стихи на Рождество Христово ко государыне царице от государя царевича». Приведем его начало [10]:

Бог Господь в мире ныне проявися,
во вифлеемстем вертепе родися
от пречистыя Марии девицы,
всех сил небесных сущая царицы,
род человеческ хотя свободити,
узы смертныя в конец сокрушити.
В рай же небесный и мать водворити,
еже бы вечно тамо верным жити.

Этот жанр получил широкое распространение в эпоху «русского барокко», в нем писали многие поэты XVIII — начала XIX веков: Ф. Прокопович, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.Ф. Богданович, Г.Р. Державин, А.Ф. Мерзляков, Н.М. Шатров, И.И. Дмитриев, И.А. Крылов и другие. Обращался к нему и М.В. Ломоносов, создавший ряд переложений псалмов и «Оду, выбранную из Иова». Эти переложения модернизируют церковные тексты и в отношении языка (вместо церковнославянского русский), и в отношении стиха (свободный несиллабический стих заменяется силлаботоническим), и в отношении манеры выражения (вместо строгого лаконизма многоречивость). Приведем один пример — фрагмент 28-го псалма и подражание ему у Мерзлякова [6]. Краткая сентенция псалма («Гласъ Господень на водахъ, / Богъ славы возгремѣ, / Господь на водахъ многихъ») разворачивается в целую картину:

Гласъ Божій на моряхъ, — холмами
Взбугрилась бездна: всюду мракъ!
Гласъ Божій грянулъ надъ водами,
И въ блескѣ молній славы зракъ
На влажныхъ хлябяхъ отразился; —
Богъ, гнѣва Богъ изобразился
Въ сліянной мглѣ небесъ и волнь; —
И Океанъ сѣдый лобзаеть
Его стопы, смятенъя полнь;
Хребеть, волнуясь, склоняеть
Подъ ризой пламенной Его!...
Моря, не бойтесь! не бѣгите!
На славу Бога своего
Хвалебнымъ трепетомъ гремите!

Канон, возникший как жанр богослужебных текстов в Византии в VII в., имеет строгую структуру. Полный канон включает девять песен (возможны также каноны из 8, 4, 3 или 2 песней); каждая связана с определенным ветхозаветным или новозаветным текстом:

⁴ Молитвословный стих — свободный несиллабический стих, восходящий к византийскому стиху; см. [13. С. 257; 4. С. 26–27].

- ♦ песнь 1 — песнь Моисея после перехода Чермного моря (Исход, гл. 15, ст. 1–19);
- ♦ песнь 2 — предсмертная песнь Моисея (Второзаконие, гл. 32, ст. 1–43; именно эта песнь опускается в восьмипесенных канонах);
- ♦ песнь 3 — молитва Анны (I кн. Самуила, гл. 2, ст. 1–10);
- ♦ песнь 4 — молитва Аввакума (Аввакум, гл. 3, ст. 2–19);
- ♦ песнь 5 — молитва Исайи (Исайя, гл. 26, ст. 9–19);
- ♦ песнь 6 — молитва Ионы (Иона, гл. 2, ст. 3–10);
- ♦ песнь 7 — молитва Азарии (Даниил, гл. 3, ст. 26–45);
- ♦ песнь 8 — песнь трех отроков (Даниил, гл. 3, ст. 52–88);
- ♦ песнь 9 — песнь Богородицы (Лука, гл. 1, ст. 46–55).

Каждая песнь состоит из ирмоса и следующих за ним 4–6 тропарей. Ирмос связывает библейское событие с темой канона, тропари развивают эту тему, содержательно и мелодически вторя ирмосу.

Канон Потемкина состоит из 9 песен и двух молитв. Он во всех отношениях ближе к церковным образцам, чем к современным ему переложениям священных текстов: написан на русифицированном церковнославянском языке, сохраняет собственные канону структуру и молитвословный стих. Канон Потемкина изобилует цитатами — прежде всего, из «Великого канона» Андрея Критского, «Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу», читаемому во время Великого поста и «Канона умилительного с акафистом ко Господу нашему Иисусу Христу», а также из псалмов, молитв и других канонических текстов, однако не повторяет ни один из них. Многие фрагменты произведения Потемкина не имеют прямых параллелей. Сугубо личный характер носят две молитвы по канону. В целом это сочинение Потемкина — живое свидетельство недюжинных литературных способностей его автора и искренности его веры⁵. Канон был создан, по-видимому, в 1791 г., во время последней болезни Потемкина. Биограф пишет: *«Чувствуя, что болезнь усиливается, Потемкин испытывал мрачную и томительную тоску. Во время ее припадков всемогущий князь лечил свои душевные раны обращением к Боже-ству: к этому времени относится составление им “канона Спасителю”»* [9].

Канон был впервые опубликован в 1791 г. в походной типографии в Яссах; имя автора представлено лишь инициалами: К. Г. А. П.⁶ Однако в экземпляре, найденном в XIX в. в бумагах племянника Потемкина А.Н. Самойлова и вторично опубликованном П.А. Бартевым в «Русском архиве» [12], имя автора приведено полностью. В предисловии Бартева к этой публикации говорится:

«Некоторые духовные лица, к которым мы обращались с просьбою указать нам, не встретится ли чего в Потемкинском Каноне противного церковному обычаю, одобрили нам его напечатание. Само собой разумеется, что в Каноне многое взято из общих церковных молитвословий».

Отметим, что в издании 1881 г. канон напечатан не полностью: в нем не приведены две молитвы по канону, завершающие публикацию 1791 г.

Знатоки православной литературы дают этому произведению высокую оценку. Приведем развернутую цитату из статьи о Потемкине религиозного философа и поэта Н.С. Арсеньева:

⁵ Духовник князя Потемкина, бывший с ним в его предсмертные месяцы (Потемкин скончался 5/16 X 1791 г. на пути из столицы Молдавского княжества г. Яссы в Николаев, в окрестностях села Рэдений Веки), писал о его религиозности: «Донные еще ни в ком не видел столь живых знаков веры» [2].

⁶ Единственный известный нам экземпляр этого издания хранится в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге: БАН XVIII век, 35816.д.

«Здесь, в этих противоречиях князя Потемкина, в этой его безудержной хандре, в этом искании — и в конечном итоге ненахождении внутреннего заполнения жизни, мы встречаемся со знакомой нам, глубоко русской чертой — искания и неудовлетворенности души, не простой хандры пресыщенного человека (и это играло, конечно, роль у Потемкина), а некоего “метафизического”, даже более того — религиозно заостренного томления. В этом убеждает нас составленный им — по-видимому, в самые последние годы его жизни — “Канон Спасителю”, найденный в его бумагах, сохранившихся у его племянника графа А.Н. Самойлова с означением имени составителя. Потемкин всегда, всю жизнь, был религиозен, в молодости был даже студентом Духовной Академии, собирався пойти в монахи, был богословски хорошо образован и любил рассуждать на богословские темы — о вселенских соборах, о разделении Церквей. Но здесь больше, здесь не «бытовая» только, унаследованная религиозность, здесь крик души, жаждущей спасения, ищущей твердой опоры среди преходящести окружающей суеты и молящей о милосердии и прощении, здесь голос горячей и крепкой веры. Иисус Христос распятый и милосердный становится в центре его духовной веры. <...>

О нем так пишет его приятель и современник, талантливый принц де-Линь: “... Боязливый за других, он не боится за себя; тоскует среди своих удовольствий; несчастен от избытка счастья; то искусный министр, то десятилетний ребенок; любит Бога, но боится черта; одной рукой делает крестное знамение, а другой посылает привет хорошеньким женщинам. <...> В чем же его чародейственная сила? — В гении, и еще в гении, и опять-таки в гении” (Lettres et pensées du Maréchal Prince de Ligne. Paris. 1809, pp. 164–167).

Мы добавим, что это не только гений, но и русский гений — во всех своих недостатках, но и в искании спасения и прибежища в милующей руке Божией» [1].

В неоднократно издававшейся начиная с 1998 г. книге М.Г. Жуковой о Суворове (см., например, издание [5]) был впервые опубликован «Канон Спасителю Господу нашему Иисусу Христу, составленный графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымнинским» [5. С. 146–159]. В своем комментарии Жукова не высказывает ни малейших сомнений в том, что этот канон был написан (с использованием «Великого канона» преп. Андрея Критского) самим Суворовым: «Некоторые ирмосы почти дословно воспроизводят текст Великого канона, другие полностью были написаны Суворовым». Такая же уверенность в авторстве Суворова выражена и при перепечатке канона в книге [7], а также в многочисленных упоминаниях об этом каноне в прессе, например, в следующем сообщении ИТАР-ТАСС от 24 ноября 2009 г.: «Суворов стал автором и сугубо церковного богослужебного произведения — “Канона Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу”».

Как и Потемкин, Суворов работал над своей версией канона в последние месяцы своей жизни (1800). В заглавии Суворов указывает, что он «составил» этот канон. Согласно толкованию в современном Суворову «Словаре Академии Российской», первое значение слова *составляю* — ‘две или несколько вещей вместе сплочиваю, соединяю’, второе — ‘созидаю, строю’. Публикаторы и комментаторы канона Суворова понимают это слово во втором значении, тогда как сам полководец, по всей видимости, имел в виду первое — можно с большой долей уверенности предположить, что участник турецкой кампании, герой Измаила Суворов был знаком с напечатанным в Яссах покаянным каноном своего главнокомандующего.

Последние сомнения в этом предположении отпадают при сопоставлении двух текстов. Канон Суворова не содержит двух завершающих молитв, но в остальном он полностью следует за текстом Потемкина: практически каждая фраза суворовского канона имеет в этом

источнике параллель, хотя и без точного совпадения. Например, ирмос Песни IV у Потемкина (*Одождивый иногда манну, и источивый изъ камене воду людемъ своимъ препрославленный Боже, подаждь и мнѣ спасе благодать твою, утоляя алчность и жажду грѣховную души моя*) содержит в тексте Суворова два отличия: слово *алчность* заменено на *оскудение*⁷, а флексия прил. *грѣховную* — на *-ья*. Всего подобных отличий у Суворова около 170. Они сводятся к следующим основным типам.

Пропуск слов:

Веси волю мою и немощь мою → Прїйми сїю молитву мою Господи → Приими сию молитву, Господи; покрый душу мою пречистымъ покровомъ своимъ, и отъ бѣдъ всѣхъ защити мя → от бед защиты ны⁸.

Вставка слов:

избавленіе → одинаго избавление; Вѣрую → Верую, Господи; величаемъ → величаем (дважды); отъ тебе → от Тебя воздаяние; спаси мя. → спаси мя! Аминь.

Изменение порядка слов:

вѣчную казнь → казнь вечную; довольно было → было довольно; милосердія не ожидать → не ожидать милосердия.

Несинонимичная лексическая замена:

древней → неизреченной; страдаетъ → сострадает; възрыдаеть → въздыхает.

(Квази)синонимичная лексическая замена:

воспѣтію → пению; моимъ изреченіемъ → моих словес; добродѣльми → добродетельными; матерія → материнския; чистая → Пречистая; Не въ надеждѣ милосердія и челоувѣколюбія твоего Христе → Не презирая милосердие и человеколюбие Твое, Христе.

Замена архаичной формы:

нетомко → *не только*; *открый* → *открой*; *подклони* → *подклони*; *Спасителю* [звательный падеж] → *Спаситель*.

Замена на архаичную форму:

ты искупитель → Ты еси Искупитель; възгнушался → възгнушался еси; подверженна → подвержена есть; ноги → нозе.

Заключение

Сравнение текстов Потемкина и Суворова свидетельствует о том, что Суворов не писал нового канона, а, выражаясь по-современному, редактировал канон Потемкина, или, иначе говоря, стремился улучшить текст Потемкина, сообразуясь со своими знаниями и представлениями о том, каким образом придать большую убедительность обращению к Богу. Это ни в коей мере не умаляет замысла Суворова, поскольку его целью было не суетное самовыражение, а поиск более совершенного способа соположения «намоленных» слов, как можно более точно отражающих состояние его духа.

Фигуры Потемкина и Суворова соседствуют на памятнике Екатерине II в Петербурге и на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Канон Потемкина и переложение его Суворовым — свидетельство духовного сродства этих столь разных людей в конце их жизни.

⁷ Оба сравниваемых канона написаны на смеси русского и церковнославянского языков. Цитаты из канона Суворова даются по изданию [5. С. 146–159], где, как и в издании [7], при передаче рукописи Суворова использована новая орфография.

⁸ В этом фрагменте происходит еще и мена местоимений.

Приложение

КАНОНЪ СПАСИТЕЛЮ ГОСПОДУ ИИСУСУ.

ПѢСНЬ I. ПРМОСЪ.

Шествующій Израиль сквозь морскую пучину, не коснувшійся водамъ своими стопами, воспѣлъ хвалу избавителю своему; я же, яко брѣніе создателя моего, дерзаю глаголати органомъ души моея, сицевое славословіе:

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Отверзая уста моя къ пѣнію славы и милосердія твоего Господи, испытываю сердце и душу мою, и вѣмъ, яко ниедино слово не довольно къ воспѣтію чудесъ твоихъ; но ты, яко человѣколюбець, не возгнушайся моимъ изреченіемъ, и услыши мя вопіюща:

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Прогнѣвляя тебе всевышняго ежечасно, кто неужаснется праведнаго суда твоего, и кто не осудитъ самъ себе на вѣчную казнь? но неизмѣривъ пучины милосердія твоего, прибѣгаю къ чистому покаянію, единому средству во упованіи твоея Господи милости.

Слава:

Отъ утробы матере моея, тайною святаго крещенія омывая прародительскій грѣхъ, обѣщахся тебѣ владыко, ходить по стопамъ заповѣдей твоихъ, но совлекшись съ истиннаго пути, поработахъ грѣху, и осквернивъ одѣжду спасенія моего, не смѣю взирати на небо, но ты, яко милосерденъ, услыши мя.

И нынѣ:

Къ тебѣ мати Господа моего обращаю молитву мою, яко къ ходатайцѣ у творца моего, принеси ея ко Господу, да будетъ она яко жертва чистая предъ страшнымъ его престоломъ.

ПѢСНЬ II. ПРМОСЪ.

Вонми небо и возглаголю, и воспую Христа отъ дѣвы плотію пришедшаго.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Кто неизречетъ твоего человѣколюбія Христе? когда ты для единаго избавленія человѣка, нетокмо не возгнушался дѣвическаго чрева, но и не пощадилъ самого себе въ вольной страсти; удивляюся снисхожденію твоему владыко, и плачуся о неблагодарности моей:

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Чѣмъ тебѣ воздамъ, всеильный Господи, за толикое твое ко мнѣ милосердіе? и чѣмъ содѣлаюсь достойнымъ распятія твоего Христе? прахъ твоего созданія къ тебѣ вопіетъ: вѣмъ яко единими добродѣльми соединяются съ тобою; но нагъ есмь сего украшенія; не милости, но суду твоему повиненъ.

Слава:

Умножишася беззаконія моя, яко песокъ при краи моря, но не отступихъ отъ тебе Спасителя моего; согрѣшая оскорбляю твое величество, но и обращаюся къ покаянію: виждь Господи, колико слабо челоуѣчество, не по дѣломъ его суди, но по древней милости своей.

И нынѣ.

Ко сыну твоему мати и дѣво пречистая, дерзаю простирати мольбу мою, и вѣдая недостойнство мое, къ тебѣ прибѣгаю владычице, да ты матерними своими молитвами содѣлаешь мене достойна его милосердія.

ПѢСНЬ III. *ІРМОСЪ.*

Утверди Господи на камени заповѣдей твоихъ, зыблющееся сердце мое, яко единъ святъ еси и праведенъ.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Проснися душа моя отъ сердечнаго твоего ожесточенія! се уже при дверехъ женихъ! гдѣ твой свѣтильникъ? угасъ! бѣжитъ возжегши его, но дверь между тѣмъ затворяется, и ты лишаешся брачныя вечера.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Виждь Господи смиреніе мое! виждь сокрушеніе сердца моего! у тебе единого очищеніе, у тебе избавленіе есть; помилуй недостойное твое созданіе, и недопусти до пагубы душу мою.

Слава:

Пролей мнѣ Господи источникъ слезъ моихъ, да омыю скверну души моя, да убѣлюся яко снѣгъ, и да пріуготовлю храмъ тебѣ въ тлѣнномъ сердцѣ моемъ. Ты единъ силенъ воздвигнути изъ праха достойное царствія твоего.

И нынѣ:

Надеждо ненадеждныхъ и утѣшеніе сѣтующихъ, ты еси чистая дѣво, содѣлай въ храмѣ души моя чертогъ сыну твоему ходатайствомъ отъ матернія твоя молитвы.

ПѢСНЬ IV. *ІРМОСЪ.*

Одождивый иногда манну, и источникъ изъ камене воду людемъ своимъ прославленный Боже, подаждь и мнѣ спасе благодать твою, утоляя алчность и жажду грѣховную души моя.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Приклони Господи ухо твое къ молитвѣ моей, отъ сокрушенія сердца моего къ тебѣ возсылаемой; прійми слезы моя, пролитыя за вину грѣховъ моихъ; се тебѣ приносится Спасителю мой, вмѣсто мвра многоцѣннаго, излитаго грѣшницею на пречистыя ноги твои; едино слово твое довольно было ко очищенію грѣховъ ея; рцы же и ты душѣ моей: спасеніе твое есть азъ.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Пришедый спасти грѣшники, а не призвати праведники къ покаянію, воззри Господи на преклоненную выю мою, на сокрушенное предъ тобою сердце мое;

и чего недостаетъ къ пополненію за грѣхи мои, ты самъ создателю мой, яко сердцеѣдецъ, открый мнѣ мысленныя мои очи, да увѣмъ и воздамъ тебѣ до послѣдняго.

Слава:

Се стоить предъ тобою владыко прахъ созданія твоего! се страдаетъ душа его. Суди! ты единъ ея избавитель; азъ согрѣшихъ предъ тобою яко человекъ, но не воздѣхъ руки моя ко иному Богу, яко ты единъ еси святъ и праведенъ.

И нынѣ:

Ходатайце всѣхъ вѣрныхъ владычице дѣво мати Божія, чистѣйшая всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ, воззри на грѣшника ищущаго спасенія; настави душу мою на путь къ достиженію царствія Сына твоего и Господа.

ПѢСНЬ V. ПРМОСЪ.

Утреннюю къ тебѣ Спасе мой отъ нощи грѣховной, просвѣти душу мою свѣтомъ невечернимъ, свѣтомъ твоего Божества, и настави мене на повелѣнія твоя яко всесилень.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Не отвержи мене Господи отъ лица твоего; не отъими отъ мене Духа святаго твоего; не постыди мене Боже мой въ день страшнаго суда твоего предъ Ангелы твоими; вѣмъ яко тамо дѣла мои мене изобличатъ, и отошлютъ во тму кромѣшную; но за вѣру твердую мою къ тебѣ Господи, ожидаю твоего милосердія.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Не устрашаетъ мене столько пламень муки вѣчныя, не ужасаетъ мене болѣе червь оный неусыпаемый, и скрежетъ зубовъ, сколько трепещетъ духъ мой, и мучится совѣсть моя отъ лишенія благодати твоя Господи; Кто не возрыдаетъ изъ грѣшниковъ, видя святыхъ твоихъ сѣдящихъ одесную славы твоя?

Слава:

Не вніди Господи въ судъ съ рабомъ твоимъ, неоправдающимся предъ тобою; чѣмъ душа моя оправдится, когда въ книгѣ твоей и не содѣянное еще ею уже написано есть, и когда не оправдится предъ тобою всякъ живой?

И нынѣ:

Заступнице христіянъ непостыдная чистая Богородице, ты едина умилоствляешь сына своего отъ подлежащаго грѣшникамъ воздаянія.

ПѢСНЬ VI. ПРМОСЪ.

Вопію ко Господу всѣмъ сердцемъ моимъ, яко низринутый въ бездну грѣховную, отъ тли Боже мя возведи.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Видишь душе моя предъ собою своего избавителя, искупившаго тебе свою кровію; видишь раны его. Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра! ты предстоишь предъ нимъ яко неблагодарная, и ты дерзаешь отверзнуть къ нему уста своя: прослезися, и въ перси біющи возглаголи: отъ тли Боже мя избави.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Страхусь Господи призвати тебе въ храмъ души моя; но вѣдая твое снисхожденіе надъ грѣшниками, съ коими ты не возгнушался свечеряти въ дому Симона Прокаженного, отверзаю душу и сердце мое; прошу, яко же оный Евангельскій мужъ, единого слова твоего къ моему избавленію; и хотя нѣсмь достоинъ, но ты единъ властенъ освятить и очистить мене, да подъ кровъ внидеши души моя.

Слава:

Скажи мя Господи кончину мою: открый мнѣ путь, коимъ отсель къ вѣчности пойду; покажи мѣсто, и дѣже будетъ обитать душа моя: вѣмъ по дѣломъ своимъ, яко внѣ царствія твоего: но стоитъ ли гнѣва твоего брненное сіе созданіе? покажи ему мѣсто, яко чловѣколюбець, хотя при краи царствія твоего.

И нынѣ:

Вольнующая душа моя, и утопающая въ безднѣ беззаконій своихъ, ищетъ помощи, но не обрѣтаетъ; подаждь ей пречистая дѣво руку свою, еуже носила Спасителя моего, и не допусти погибнути во вѣки.

ПѢСНЬ VII. ПРМОСЪ.

Пребывшіе въ истинной вѣрѣ отроки не послужаши бездушному идолу, обрѣтоша избавленіе свое въ горячей пещи, прохладною росую, и возопиша пѣснь давшему имъ побѣду: отцевъ Боже благословенъ еси.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Тебѣ Господи единому согрѣшихъ, и тебѣ единому каюся, яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши внигда судити ти, страшно впасти въ руки Бога живаго; но нѣтъ отчаянія въ милосердіи его, самъ велитъ Апостолу своему прощати вину седмъ разъ седмицею. Како же отъ самага истиннаго Бога милосердія неожидать? вѣрно слово, яко идѣже умножается грѣхъ, тамо преизобилуетъ Божія благодать.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Не въ надеждѣ милосердія и чловѣколюбія твоего Христе согрѣшихъ, но по немощи чловѣческаго естества: разумъ, память и воля ослабѣвають тамо, гдѣ житейскія сласти овладѣють чловѣкомъ; вѣси Господи, какія преткновенія поставлены ногамъ моимъ, и въ силахъ ли ополчиться рука моя? аще не ты будешь моимъ путеводителемъ, и не уклонишь мене грѣшнаго отъ пути лукаваго.

Слава:

Запрети Господи сопротивъ гонящимъ мя прелщать душу мою, и безъ того со всѣхъ сторонъ колеблющуюся: не вѣмъ уже гдѣ подклонити главу мою; и аще ты отъ имешь руку свою отъ мене, то гдѣ обрящу покой душѣ моей? и кто будетъ моимъ избавителемъ?

И нынѣ:

Ослабѣвшей душѣ моей и уязвленному сердцу моему подаждь исцѣленіе дѣво чистая; прости за мене матернія руцѣ свои ко Богу, и будѣ о мнѣ ходатайца: можеша бо, елика хочеша.

ПѢСНЬ VIII. *ПРМОСЪ.*

Его же воинства небесная славятъ, и трепещутъ Херувими и Серафими, и его же не видѣ человѣческое око, вострепещи душе моя, и воскликни: пойте благословите, и превозносите Господа во вся вѣки.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Привержень есмь къ тебѣ Спасе мой, отъ сосцу матери моея; возлюбихъ тебе крѣпосте моя, яко же избавителя моего; но не вѣмъ откуду преступаю заповѣди твоя: ты создатель мой, ты единъ вѣси немощь мою, и ты единъ помилуй мя, да прослаблю твое божество.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Се яди положъ еси дни моя, и весь составъ мой ничто же есть предъ тобою Господи! въ семь мѣрѣ подверженна скорби и болѣзни жизнь моя, а въ будущемъ не вѣмъ еще, что обращу по дѣломъ моимъ.

Слава:

Вѣрую, что уготовано отъ тебе праведному и грѣшному; но отъ перваго пути далече совлекохся, а послѣднему всегда предшествую яко чловѣкъ; хошу взыйти на истинной путь: но житейское попеченіе оный заграждаетъ. Кій судъ будетъ мнѣ зачатоу во грѣсѣхъ? и кто пощадитъ душу мою, аще не ты Спасителю мой?

И нынѣ:

Богородице владычице дѣво мати чистая, избавившая всѣхъ грѣшниковъ рождествомъ своимъ, покрый душу мою пречистымъ покровомъ своимъ, и отъ бѣдъ всѣхъ защиты мя.

ПѢСНЬ IX. *ПРМОСЪ.*

Странная тайна въ тебѣ дѣво сокрыся, по рождествѣ бо пребыла еси дѣвою, что есть чудо въ чловѣчествѣмъ родѣ; на тебѣ единой, яко избранной Богомъ, сія благодать исполнися; тѣмъ ты вси яко чистѣйшую Херувимъ, непрестанно величаемъ.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Услыши Господи сію молитву, и вопль мой къ тебѣ да прійдетъ; не отврати лица твоего отъ мене. Вѣси волю мою, и вѣси немощь мою, тебѣ единому открыто сердце мое. Видже сокрушеніе его, се дѣло рукъ твоихъ къ тебѣ вопіетъ! хошу да спасеши мя; не забуди мене не достойнаго, и вспомяни во царствіи своемъ.

Помилуй мя Боже, помилуй мя.

Се жертва чистая сердца моего, юже приношу тебѣ Господи на олтарѣ души моея! се все то сокровище, имъ же тебѣ общахся, и долженъ есмь; кромѣ сего не имѣю чѣмъ тебѣ воздать Спасителю моему: ибо вся твоя суть. Прійми сію молитву мою Господи, да исправится она яко кадило благовонное предъ тобою.

Слава:

Воздѣваю къ тебѣ Богу моему руки мои. Поклоняюся тебѣ сокрушеннымъ сердцемъ и чистою совѣстію создателю моему. Вѣрую и исповѣдую яко ты искупитель мой, и не сумнѣнно ожидаю отъ тебе спасенія моего. Вручаю тебѣ душу

мою и тѣло, пощади мене Господи. Егда предстану суду твоему. Сопричти мене угодникамъ твоимъ; сего у тебе единого прошу и молю да обрящу.

И нынѣ:

Се наумоленіе предлагаю тебѣ Господи, мать твою пречистую, и всѣхъ отъ вѣка угодившихъ; молитва ихъ у тебе много можетъ; пріими ходатайство ихъ за мене недостойнаго. Невѣмъ уже что болѣе тебѣ изрещи, твой есмь азъ, спаси мя.

КОНЕЦЪ.

МОЛИТВА.

Вѣрую въ тя Господи, но укрѣпи вѣру мою; уповаю на тя, но утверди мя въ упованіи моемъ; сердце мое тебѣ предано, Боже мой но усугубь мою преданность; я каюся но умножь покаяніе мое. Тя обожаю, яко начало мое, тя желаю яко послѣдняго конца моего, ты благодарю яко милосердаго благодѣтеля, ты призываю яко защитника моего.

Устрой мя Господи премудростію твоею; воздержи мя правосудіемъ твоимъ. Утѣши мя благодію твоею; и охрани мя силою твоею.

Тебѣ посвящаю мысли, слова и дѣянія свои; желанія и страданія мои да будутъ согласны съ волею твоею. Просвѣти Господи умъ мой, воспламени волю мою, очисти тѣло мое, и освяти душу мою, помози мнѣ очистить прошедшія преступленія, преодолѣть будущія искушенія, укротить одолѣвающія мя страсти и шествовать по стезямъ добродѣтели.

Исполни сердце мое горячнѣйшею благодарностію за милосердіе твое; ненавистію къ порокамъ, любовію къ ближнему и презрѣніемъ къ суетѣ міра сего.

Да буду покоренъ начальникамъ, благорасположенъ къ подчиненнымъ, вѣренъ друзьямъ, снисходителенъ къ врагамъ моимъ.

Боже милосердый! помози мнѣ побѣдить сладострастіе благоразумнымъ умерщвленіемъ плоти моея; скупость милостыною Тебѣ благоугодною; гнѣвъ кротостію, охлажденіе истиннымъ богочитаніемъ.

Господи! да буду остороженъ въ предпріятіяхъ моихъ, добръ въ опасностяхъ, терпѣливъ въ злополучіи и кротокъ въ успѣхахъ.

Даруй мнѣ бдѣніе въ молитвѣ, умѣренность въ яствѣ, исправность въ должности и твердость въ благихъ намѣреніяхъ моихъ.

Возбуди и сохрани во мнѣ Господи совѣсть чистую, наружность благопристойную и жизнь благочестивую, да не престану покорять поврежденную природу свою, вспомошествовать всею силою благодати твоей, исполнять заповѣди твоя и достигать спасенія моего.

Покажи мнѣ Господи ничтожество свѣта сего, великость небесъ, скорость преходящаго времени и долготу вѣчности.

Научи мя пріуготовляться къ кончинѣ моей, бояться суда твоего, убѣгать Ада преисподняго и достигнуть Рая во Христѣ Иисусѣ.

Аминь.

МОЛИТВА.

Всемогущий, Всеблагий, Благотробный, Боже. <Н>оне смиренно припадаю, молюся тебе Ради неповинной смерти возлюбленного, твоего сына, даждь ми благословѣнный часть, во время изхода души моей изтела.

Аминь.

[Потемкин 1791], печатается с сохранением орфографии оригинала.

Литература

1. Арсеньев Н.С. Потемкин-Таврический // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. — Т. 18. — С. 266–275.
2. Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Часть 2. — СПб.: В Типографии Третьего департамента государственных имуществ, 1840.
3. Валишевский К. Роман императрицы. Екатерина II императрица Всероссийская. — СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908.
4. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Изд. второе. — М.: Фортуна лимитед, 2000.
5. Жукова М.Г. «Твой есмь аз». Суворов. — М.: Издание Сретенского монастыря, 2002.
6. Мерзляков А.Ф. Глас Божий во гrome. Псалом 28. Подражание // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. Часть 11 <Кн. 17–18>. — М.: В Университетской типографии, 1818. — С. 10–13.
7. «Мы — русские! С нами Бог!» Жизнь и подвиги великого русского полководца А.В. Суворова и составленный им Покаянный канон. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.
8. Надеждин Н. Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края. — Одесса: В городской типографии, 1839.
9. Огарков В.В. Г.А. Потемкин. Его жизнь и общественная деятельность. — СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1892.
10. Полоцкий Симеон. Вирши. — Минск: Мастацкая літаратура, 1990.
11. <Потемкин Г.А.> Канон Спасителю Господу Иисусу. Сочиненный К. Г. А. П. <Ясы: В походной типографии, 1791>.
12. <Потемкин Г.А.> Канон Спасителю, сочиненный князем Г.А. Потемкиным-Таврическим, в Яссах 1791 года // Русский архив. — 1881. — Кн. вторая. — С. 17–23.
13. Тарановский К. О поэзии и поэтике. — М.: Языки русской культуры, 2000.

References

1. Arsenëv, N. S. Potemkin-Tavrïcheskii. *Novyi zhurnal*. New York, 1948, t. 18, s. 266–275.
2. Bantysh-Kamenskii, D. Biografii rossiiskikh generalissimusov i general-feldmarshalov. Chast' 2. SPb., V Tipografii Tretego departamenta gosudarstvennykh imushchestv, 1840.
3. Valishevskii, K. Roman imperatritsy. Ekaterina II imperatritsa Vserossiiskaja. SPb., Izdanie A.S. Suvorina, 1908.
4. Gasparov, M.L. Ocherk Istorii russkogo stikha. Izd. vtoroe. M., Fortuna limited, 2000.
5. Zhukova, M.G. "Tvoi esm' az". Suvorov. M., Izdanie Sretenskogo monastyrya, 2002.
6. Merzljakov, A.F. Glas Bozhii vo grome. Psalom 28. Podrazhanie. Trudy Obshchestva ljubitelei rossiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete. Chast' 11 <Kn. 17–18>. M., V Universitetskoi tipografii, 1818, s. 10–13.
7. "My — russkie! S nami Bog!" Zhizn' i podvigi velikogo russkogo polkovodtsa A.V. Suvorova i sostavlennii im Pokajannyi kanon. M., Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2003.
8. Nadezhdin, N. Svetleishii knjaz' Potemkin-Tavrïcheskii, obrazovatel' Novorossiiskogo kraja. Odessa, V gorodskoi tipografii, 1839.
9. Ogarkov, V.V. G.A. Potemkin. Ego zhizn' i obshchestvennaja dejatel'nost'. SPb., Tip. Ju.N. Erlikh, 1892.
10. Polotskii Simeon. Virshi. Minsk, Mastatskaja literatura, 1990.
11. <Potemkin, G.A.> Kanon Spasitelju Gospodu Iisusu. Sochinennyi K. G. A. P. <Jassy: V pokhodnoi tipografii, 1791.>
12. <Potemkin, G.A.> Kanon Spasitelju, sochinennyi knjazem G.A. Potemkinym-Tavrïcheskim, v Jassakh 1791 goda. *Russkii arkhiv*, 1881, kn. vtoraja, s. 17–23.
13. Taranovskii, K. O poezii i poetike. M., Jazyki russkoi kul'tury, 2000.

14. Шахмагонов Н. Князь Потемкин Таврический // Герои и антигерои Отечества / Сост. В.М. Забродин. — М.: Информэкспресс и др., 1992. — С. 30–105.

15. Энгельгардт Л.Н. Записки. — М.: В типографии Каткова и Ко, 1860.

14. Shakhmagonov, N. Knjaz' Potemkin Tavricheskii. Geroi i antigeroi Otechestva. Sost. V.M. Zabrodin. M., Informekspress i dr., 1992, s. 30–105.

15. Engel'gardt, L.N. Zapiski. M., V tipografii Katkova i Ko, 1860.

Перцова Наталья Николаевна,

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского
вычислительного центра
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Pertsova Natal'ia N.,

Doctor of Philology, a Senior Research Fellow
at the Lomonosov Moscow State University
Center for Computational Research

